

Джейн Р

МЕНЯ ЗОВУТ ЛАУРИ

16+

Джейн Р
Меня зовут Лаури

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Джейн Р

Меня зовут Лаури / Джейн Р — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Жизнь Лаури похожа на будни многих студентов в Хельсинки. Он молод, импульсивен, ищет себя, жаждет любви и внимания девушек. Но все меняется, когда он встречает женщину намного старше его. Вслед за возлюбленной Лаури переезжает в Лос-Анджелес, где ему предстоит заново познакомиться с самим собой. Справится ли он с трудностями, которые встретит на пути?

© Джейн Р, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	17
Глава 8	18
Глава 9	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

...

– Ich frage Sie zum letzten Mal, Herr, warum haben Sie gegen die Regeln verstoßen? (I ask you for the last time, sir, why did you violate the rules?).

В голосе немецкого полицейского звучали стальные нотки. Передо мной стоял высокий мужчина крепкого телосложения. Настоящий громила! Я ещё раз взглянул на него, и у меня засосало под ложечкой: водянистые серые глаза, колючий взгляд, большие кулаки и ни намёка на улыбку. Не верилось, что он умел улыбаться. Оскал – это максимум, что можно было от него ожидать. Если бы со мной говорил его коллега, возможно, я бы даже ответил с юмором. Рядом с ним стоял напарник. Маленький, с пивным брюшком, небольшими глазами и пухлыми губами, он напоминал добродушного соседа по улице.

Я проглотил комок и устало вздохнул. Нет, сегодня точно не мой день. Застрять в аэропорту Франкфурта и быть допрашиваемым полицейскими, которые плохо понимают по-английски... День явно не удался. Да что там день! Последние месяцы были такими сумбурными, что хотелось послать всё к чёрту. Особенно чувства и эту штуку под названием «Любовь». Навсегда. Опять. Жил бы себе в Хельсинки и не знал горя. Но любовь унесла меня на своих крыльях в Америку. Однако давайте по порядку.

Глава 1

Меня зовут Лаури. Нет, не Ларри, и не Лари. И ударение на «А», пожалуйста. Ничего особенного, обыкновенное финское имя. А я – обычный парень, ничем не отличающийся от множества других. Я учусь в университете и подрабатываю в «Алко», единственном магазине во всей Финляндии, где можно купить крепкие алкогольные напитки. Простая работа, не приносящая ни удовлетворения, ни большого достатка.

Получив работу в магазине, я был полон энтузиазма. Представлял, как буду помогать людям делать выбор и советовать, какое вино подойдёт к рыбе. Но реальность оказалась более угнетающей.

В свой первый рабочий день я увидел молодого человека, который уже полчаса бродил между полками и переминался с ноги на ноги.

– Здрррравствуйте! Чем могу вам помочь? – я буквально выпрыгнул из-за прилавка, а моей широкой улыбке мог бы позавидовать Джим Керри.

К сожалению, это не воодушевило клиента. Он испуганно отшатнулся, чуть не уронив несколько бутылок белого вина. Дорогого, между прочим. Шепча одними губами то ли молитвы, то ли выражения, которые я не осмелюсь повторить, он, чуть не падая побежал к выходу. Кхм... Тогда это меня не насторожило, и я с упоением продолжал работать в том же духе. Когда от меня шарахнулась пожилая пара, я всё ещё верил, что дело не во мне. Опрятно одетая бабушка не стала церемониться. Она со свойственной людям в годах прямоотой сказала, что мой голос может разбудить спящего слона, а неожиданные появления заставят черепаху бежать от страха со скоростью гепарда. В этот момент во мне зародились первые подозрения, что эта работа – не то, чем она мне представлялась. Но я отмахнулся от дурных мыслей.

Однако через неделю мой энтузиазм потух. Дело не во мне. Просто покупатели не любят, когда к ним пристают с вопросами и предложениями. Настойчиво предлагающий помощь продавец ставит их в неловкое положение. Им проще купить то, что они берут обычно. Или походить мимо прилавков, подержать в руках каждую бутылку, прочесть каждую этикетку, сделать пять кругов по магазину, вернуться в начало, выбрать вино, нарезать ещё три круга, но уже с бутылкой в руках. Ещё через полчаса потерять терпение, оставить бутылку на прилавке и покинуть магазин, сетуя на количество потраченного времени. И так в конце дня на прилавке скапливался ящик напитков, чаще вина и коктейлей. Ещё ни один человек не оставил пиво.

Честно говоря, я терпеть не могу свою работу, но именно благодаря ей я познакомился с Анникой.

Глава 2

Это был вторник, тринадцатое июня. Знаю, вы подумаете, что я, как влюбившийся школьник, запомнил эту дату из-за моей встречи с мечтой. Но истина намного прозаичнее. Просто именно в этот день сборная Финляндии соревновалась с Германией за кубок в Лиге Чемпионов.

Я бегал по залу, стараясь сделать три дела одновременно, чтобы закончить смену и купить перед игрой пиво и чипсы. Осталось поставить Chateau Pichon Baron Bordeaux 2003 на место. Пробегая глазами по полкам, я двигался вперёд спиной и читал этикетки. Вдруг спина на что-то наткнулась, и от неожиданности руки разжались. Бутылка разбилась вдребезги, вино растеклось по полу, а я с тоской мысленно попрощался с надеждой успеть к началу матча.

– Боже мой, мне так жаль! Я такая неловкая. Простите, пожалуйста! – причиной моего несчастья оказалась полноватая женщина со слишком высоким голосом, резанувшим мне ухо. Одета она была в слишком белый костюм, глядя на который начинали болеть глаза, на ногах – слишком лёгкие для финской зимы полусапожки, через плечо висела слишком миниатюрная для её фигуры сумочка. Всё в её внешнем виде меня раздражало.

Присев на корточки, она вытащила из сумки белый носовой платок и стала водить им по луже. Платок мгновенно испачкался, а моё настроение вконец упало.

– Ничего, ничего, я уберу, – сквозь зубы ответил я улыбаясь, хотя сейчас эта улыбка казалась какой-то перекошенной.

– Давайте я вам помогу. Мне так перед вами неудобно, вы уж простите.

– Нет, нет, позвольте, я сам, – мы вырывали друг у друга бедный носовой платок, который стал похож на отрепье. Наконец я догадался сходить за половой тряпкой и бумажными салфетками и принялся вытирать лужу.

– Простите, сегодня всё валится у меня из рук.

– Ничего, бывает.

Мы стояли возле лужи, толкаясь и переговариваясь, пока она, не удержав равновесия, не упала на колени. Красные пятна вина начали медленно расплзаться по подолу юбки. От неожиданности я сел рядом, схватил тряпку и начал оттирать ею пятна. Она в шоке смотрела, как я вожу грязной тряпкой по её юбке. А мне потребовалась ровно минута, чтобы осознать, что я делаю. Мы сидели в луже, поглядывая то друг на друга, то на испорченные вещи, то на вино на полу, и внезапно расхохотались. Смеялись мы так долго, что она начала икать, а у меня заболел живот.

– Меня зовут Анника, – она протянула мне руку и улыбнулась.

– Я Лаури, – ответил я, продолжая глупо улыбаться.

Поднявшись наконец с пола, я подал ей руку.

– Приятно познакомиться, Лаури.

– Думаю, ваша юбка с вами не согласна, – я выдал ей свою лучшую улыбку.

– Ничего страшного. Я давно планировала поход по магазинам, – она ответила на мою улыбку мягким взглядом. – Это я должна попросить у вас прощения за вино и потраченное время.

– Я так надеялся успеть домой к началу матча, но теперь точно не успею. Придётся внести название вина в инвентарную книгу, убирать эту чёртову лужу и чувствовать себя виноватым за вашу юбку, – я дразнил её, но она не заметила подвоха и приняла мой угрюмый вид за правду. – И всё по вашей вине.

– Я расстроила ваши планы? Простите, мне очень жаль.

– Нет проблем. Я разберусь с вином. А чтобы искупить свою вину я, так и быть, позволю вам пригласить меня на ужин.

Я был в шоке от своей наглости. По-видимому, она тоже, потому что минуту между нами было только молчание. Она внимательно изучала мое лицо. Наконец ответила:

– Почему бы нет? Приглашаю вас сегодня в 19:00 в ресторан «Торреро». Только не опаздывайте. Терпеть не могу мужчин, у которых проблемы со временем.

Я смотрел на неё с восторгом. Анника покорила меня своей непосредственностью настолько, что я забыл о высоком голосе и небольшой полноте. Не верьте журналам, призывающим выбрасывать деньги на косметику, липосакцию и ботокс, а свободное время проводить в спортзалах и бутиках. Несомненно, красивая грудь или ноги привлекают внимание мужчин, но идеальное тело без соответствующей души приедается так же быстро, как красивая игрушка.

Глава 3

Если вы думаете, что только женщины могут провести перед зеркалом два часа, меняя наряды и макияж, то вы абсолютно не правы. В пять часов вечера я надел тёмно-синий костюм, подаренную бывшей девушкой новую розовую рубашку и галстук. В зеркале на меня смотрел привлекательный мужчина старше своих лет с серьёзными намерениями. Кхм... Слишком чопорный вид. В таком виде мужчина мог прийти на интервью или конференцию, но никак не на свидание.

Свидание... А что будет после? Продолжение? Или мы просто прогуляемся по улице, держа за руки, я поцелую её в щёку на прощание, и мы больше никогда не увидимся?

Нет, плохой сценарий. Секс, по-моему, лучшее завершение свидания.

Мысля в таком направлении, я вытряхнул чистое бельё из ящиков на кровать и начал выбирать трусы. Наверное, я представлял собой смешное зрелище – голый, в одном носке, снимающий и надевающий очередную пару трусов. Синие? Нет, в них я выгляжу слишком тощим. Белые? Банально. Чёрные боксеры? В них моя кожа кажется слишком бледной. Красные «Валентино», стильные, огненные, показывающие мою страстную натуру? Боже, о чём я думаю... Надеюсь, выбор носков не займёт так много времени.

Господи, уже почти шесть! В красных трусах и в том же одном белом носке я натягиваю серые брюки и зелёную водолазку и превращаюсь в студента. Не хватает только рюкзака за спиной. Опять раздеваюсь. Вспоминаю, что надо ещё почистить зубы, побриться и поставить волосы гелем. Бегу в ванную, спотыкаясь о разбросанную одежду. Пытаюсь бриться быстрее. Чёрт, порезал щёку!

Одной рукой стараюсь чистить зубы, другой – открываю баночку с гелем, придерживая её подбородком.

Шесть двадцать. В панике выплевываю пасту в раковину, брызги попадают на трусы. Переодеваюсь. Шесть тридцать пять. Почему когда в «Алко» нет покупателей, время плетётся? А когда я опаздываю на футбол, оно летит? Я думаю, что вместо того, чтобы постоянно обновлять дизайны и функции сотовых телефонов, компьютеров и телевизоров, неплохо было бы придумать часы, как в книге о Гарри Поттере. Те, песочные, что идут быстро, если разговор в группе не клеится. А когда беседа чересчур интересная, песок как будто засыхает, и счёт времени останавливается.

Кое-как вытираю лицо полотенцем. Всё, с меня хватит, чёрт побери! Нервный, красный, никак уже не настроенный на randevу, я надеваю свои любимые трусы с Микки Маусом, потёртые джинсы и синий пуловер. Кто-то сказал, что синий мне идёт – он делает моё лицо мужественнее и подчёркивает синеву глаз. Влезаю в кроссовки и бегу что есть сил. Только бы она ещё ждала меня!

Глава 4

В семь двадцать я вбежал в «Торреро», пугая своим видом всех клиентов. Анника сидела за столиком на двоих у окна, провожая задумчивым взглядом случайных прохожих. Пытаясь отдышаться, я медленно подошёл к столику. Она лишь кивком поприветствовала меня. Весь вид её говорил о том, что секс точно не входит в её планы на сегодня.

– Я не спрашиваю, почему ты опоздал, но надеюсь, что причина была уважительной, – опять эти высокие нотки в её голосе.

– Анника, я...

– Замолчи и закажи мне ещё сангрии. Хотя нет, пожалуй, на сегодня с меня достаточно. Мне пора.

От той неуверенной, растерянной женщины, с которой я встретился в «Алко», не осталось и следа. Сейчас передо мной сидела женщина, знающая себе цену. Но какая же она милая, когда сердится! Её подбородок стал острее, глаза смотрели вызывающе.

– Анника, пожалуйста... Если ты останешься, я спою тебе песню, – я говорил чепуху, но зря, что ли, я потратил столько времени на сборы?

Она посмотрела на меня недоверчиво, но жестом пригласила присесть.

Демонстративно прочистив горло, я запел «Нью-Йорк» Фрэнка Синатры.

Обожаю Синатру. Это мой кумир и идол. Голос звучал всё звонче и громче, я раскрепостился настолько, что стал жестикулировать, прыгать вокруг Анники и стучать вилкой по бокалу в такт.

Без внимания моё шоу не осталось. Пожилая пара за соседним столом стала недовольно переговариваться. Пятеро мужчин в костюмах перестали обсуждать дела и повернули головы. Кажется, я стал героем вечера. Официанты остановились в недоумении, не зная, раздавать ли меню. Одна особо миловидная официантка ловко проскочила между мной и столиком, держа в обеих руках тарелки с закусками. «Ханна» – успел прочитать я на именном бейдже. Что ж, если сегодня ничего не получится с Анникой, вернусь в ресторан и приглашу на ужин Ханну. Или на завтрак, так будет даже лучше.

Последние аккорды «Нью-Йорк, Нью-Йооооооорк» я закончил, стоя на коленях, прижав руку Анники к сердцу. Анника покраснела, её глаза блестели. Она улыбалась искренне и дружелюбно, чем окончательно очаровала меня. Продолжение ужина было просто превосходным. Телятина божественно таяла во рту, картофель вкусно хрустел, вино придавало пикантности, изысканно подчёркивая вкус блюд.

– О, я готова ходить в ресторан каждый день! – Анника облизала пальцы и с наслаждением вздохнула.

– Моей зарплаты на это не хватило бы. Я всего лишь студент, бедный студент.

– Я думала, ты работаешь в «Алко», – она с удивлением посмотрела на меня.

– Подрабатываю, так сказать. По идее я должен писать диплом, но дело застопорилось, и я решил подзаработать немного денег. Так сказать, на собственные капризы.

– Сколько тебе лет? – голос Анники показался мне встревоженным.

– Мне двадцать пять. А что, это так важно? Перестань, пятилетняя разница в отношениях ещё никому не мешала, – беззаботно отмахнулся я.

– Значит, ты думаешь, что мне тридцать? – в её голосе прозвучало недоверие.

– Ни за что не дал бы тебе больше, – уверил я.

Тут я, конечно, перегнул палку. Я бы дал ей и тридцать, и тридцать пять, но это одно из золотых правил для мужчин – никогда не спрашивать женщин о возрасте и всегда давать женщинам меньше лет, чем им на самом деле. На этом правиле я собаку съел, потому что все мои бывшие пассии были старше меня. Но Анника переплюнула всех.

– О, это невероятный комплимент, Лаури. Но на самом деле мне тридцать семь лет, – она замерла, ожидая моей реакции. Реакция последовала незамедлительно. Я судорожно сглотнул слюну, нервно хихикнул, но не потерял лицо.

– Я бы бросил камень в того, кто сказал бы, что тебе тридцать семь.

Почувствовав, что лёд дрогнул, добавил:

– Ты самая очаровательная женщина на свете, Анника. И возраст тут совершенно ни при чём. Ты как роса, такая же свежая. Утреннее солнце, согревающее мир. Твой голос – это звуки музыки. Скрипка, виолончель, клавесин и весь оркестр. Ты даришь мне комфорт, с тобой уютно и это главное...

Чёрт! Я такой замечательный актёр, что поверил сам себе. Я расточал такие слова, значения которых даже не знал. Анника блаженно улыбалась и верила мне. Она наматывала локон на палец и играла с ним, закусывала губу, закатывала глаза, заливалась смехом, и я чувствовал себя Казановой в процессе обольщения. О, как я себе нравился в тот момент! Женщины любят ушами, это правда. Столько лапши, сколько я наматал на уши Анники, хватило бы для того, чтобы накормить всех итальянцев на свете.

– Извини, мне на минуту надо покинуть тебя, но я вернусь. Никуда не убегай, требую ещё и десерт, – мой голос звучал сексуально. По крайней мере, я на это надеялся.

В «Торреро» особое внимание уделяют дизайну. Так, чтобы дойти до уборной, нужно преодолеть три пролёта по винтовой лестнице, окружённой зеркалами и карнавальными масками. Открыв дверь, я чуть не заорал от страха. На меня смотрел устрашающего вида молодой человек с порезом на щеке. Его волосы торчали во все стороны, неглаженный свитер добавлял небрежности. Удивительно, как Анника сразу же не прогнала меня, опоздавшего и наглого. Кое-как приведя себя в порядок, я вернулся к своей даме.

– Я предложил бы тебе пойти ко мне после ужина, но скажу честно: не думаю, что моя мама обрадуется. Да, я живу с мамой, – я решил сразу взять быка за рога. Анника поперхнулась остатками вина, но всё же смогла выдать из себя:

– Ты не перестаёшь меня удивлять, Лаури.

– Это моя вторая работа – удивлять тебя. К несчастью, она менее оплачиваемая, но более приятная.

– Удиви меня. Пожалуйста, – прошептала она, интимно приблизившись к моему уху.

Я расплатился по счёту, и мы побежали домой к Аннике, чтобы стать ближе друг другу.

Глава 5

Я не люблю читать романы. В них всегда всё слишком сладко, как сахарная вата. Но непомерное поедание сладостей может привести к диабету.

Так и любовь – её не должно быть слишком много.

Как ни печально, количество разводов растёт из года в год. Не то чтобы я не верил в любовь, но хочу оставаться реалистом. Я предпочитаю отделять «я хочу тебя» от «я тебя люблю», страсть – от душевных чувств. То, что было у нас с Анникой, было просто волшебно. Хотя этого, наверное, и стоило ожидать. Коко Шанель сказала: «Если женщина к тридцати годам не стала красавицей, значит, она просто дура». Эти же слова я отношу к интимным отношениям. Свою жизнь Анника не прожила бесцельно, это я вам точно говорю.

Я смотрел на её волнистые волосы цвета жжёного пшена, на её грудь и полные бёдра. Она могла бы стать моделью для скульптуры Афродиты в Древней Греции. Впервые я заметил, какие тонкие у неё черты лица, высокие скулы, красивая шея. Одна бровь Анники была выше другой, что придавало ей слегка удивленный вид. Глаза непонятного цвета. То ли голубые, то ли серые, возможно, зелёные. Мелкие сеточки под глазами были заметны только вблизи, а морщинки возле губ говорили о том, что она часто улыбается. В животе не порхали бабочки, мир не виделся в розовом цвете, но хотелось обнять эту женщину, и ни за что не отпускать.

Бекон шипел и шкворчал на сковородке. Я добавил к нему яиц, сварил кофе и принёс ей завтрак в постель. Это, кстати, ещё одно из правил как завоевать женщину. Анника благодарно улыбнулась. Она держала чашку двумя руками. Аромат разносился по всей комнате, и мне вдруг подумалось, что именно такое утро можно назвать идеальным стартом идеальных отношений.

После завтрака мы пошли в Кязму, где не столько смотрели картины и произведения модерн искусства, сколько дурачились. Надевали наушники и представляли себя капитанами космического корабля, показывали язык особо ужасным картинам, играли со светом. Занимались любовью в туалете, который был таким узким, что я несколько раз ударялся локтями то о дверь, то о раковину, а в самый ответственный момент нажал на спуск воды. Мы смеялись, как дети, ели мороженое, гуляли по центру и пугали голубей.

– Как жаль, что мне скоро возвращаться в Америку, – Анника облизала ложку.

Мы сидели в маленькой уютной кофейне на пирсе, пили какао и ели воздушное тирамису. Я удивился.

– Что значит возвращаться в Америку?

– Разве я не говорила тебе, что в Финляндии по работе на три недели? Я закончила все дела раньше, чем должна была. Завтра поеду навестить родителей и встретиться с друзьями, а следующую неделю собираюсь провести с тобой, – она взяла ещё один кусочек пирожного с тарелки прямо руками и отправила в рот. Облизав пальцы, добавила:

– Конечно, если ты хочешь провести это время со мной, Лаури.

– Америка... – я никак не мог переварить информацию. – Я думал провести с тобой гораздо больше времени! Какая к чёрту Америка, если я здесь, для тебя, я хочу долговременных отношений, Анника. И хочу их с тобой!

– О каких отношениях может идти речь? Мы только познакомились! Моя работа для меня – самое главное. Ты не представляешь, как долго и упорно я работала, чтобы меня заметили. Сейчас у меня есть всё: машина, дом в Лос-Анджелесе, счёт в банке, статус, любимая работа...

– Мужа, – перебил я её пламенную речь, – у тебя нет ни мужа, ни детей. Сегодня ты здесь, завтра в Америке, через неделю в Африке. Но тебе уже тридцать семь, и с этим не поспоришь.

Я почти кричал на Аннику. Кричал и сам не верил в то, что говорю. У меня тряслись руки, лицо горело, но слова сами собой вырывались из горла. «Заткнись, неврастеник», – говорил я себе, но не мог успокоиться.

– Ты чувственная, привлекательная женщина. И не надо говорить, что отношения на один вечер для тебя достаточны. Твоя работа так важна для тебя, что ты готова принять своё одиночество? Счастлива ли ты осознавать, что ты никому не нужна и что никто не думает о тебе?

– Лаури, успокойся, – она пыталась остановить меня, но это было бесполезно.

Я настолько увлёкся, что не мог заставить себя замолчать. Мне было плевать, слушает ли меня Анника. Мне надо было выговориться. Возможно, сейчас я говорил ей то, что хотел сказать всем моим бывшим. Тем эмансипированным женщинам, которые предпочли мне карьеру. Во мне пылали гордыня и горечь.

– Мне всё равно, что ты уезжаешь. Удачи тебе и карьерного роста, – последние слова были наполнены таким сарказмом, что могли ранить больнее ножа.

Я бросил на стол салфетку и 50 евро (между прочим, мои последние деньги перед зарплатой) и покинул кофейню. Анника ошарашенно смотрела мне вслед, ничего не понимая. Я опять её удивил.

Глава 6

Я гулял по пирсу, чувствуя себя одиноким и потерянным. Бросал камешки в море, смотрел на голодных чаек. Призраки прошлого всплывали у меня перед глазами.

Вот Кристина, моя первая подруга. Симпатичная блондинка с голубыми глазами и короткой стрижкой. Я учился в школе, она – в институте. Мне было четырнадцать, ей – двадцать. Я любил её до безумия. Или думал, что любил. Уже через неделю после того, как мы расстались, я нашёл себя в постели Сары, длинноногой шатенки с маленькой грудью. Конечно, воспоминания о Кристине всё ещё бередили душу. Точнее то, что она оставила меня ради профессора по истории.

Сара всегда смеялась. В её арсенале было столько интересных историй, что я не уставал слушать. Мы до сих пор с ней друзья. После очередного неудачного романа она приходит ко мне с бутылкой вина. Сара может пить красное вино литрами. Мы сидим на балконе. Она, не переставая, курит и смеётся над тем, как нынешний молодой человек был похож на предыдущего. И как она опять совершила ту же самую ошибку. А точнее, в очередной раз влюбилась в идиота. Иногда я представляю себе, ЧТО Сара рассказывала подругам обо мне. Представляю, как они смеялись и говорили: «Брось его, детка, он тебя недостойн». Может, они и были причиной нашего расставания? Или мы вовсе не друзья, а я банально пользуюсь простотой Сары, чтобы отомстить ей? Ведь и я постоянно говорю ей то же самое: «Брось его, найдёшь другого, лучше». И она бросает. Брррр... Не люблю думать об этом.

С Сарой мы расстались, потому что она встретила другого. Считала его лучше меня. Волосатого хиппи, который проповедовал жизнь без лимита, ездил из города в город автостопом и никогда не работал. После второй или третьей бутылки красного вина её взгляд затуманивается. Она смотрит на меня вдумчиво, внимательно, долго. И я будто читаю её мысли: «А что, если бы мы всё ещё были вместе...» Обычно в такие моменты я рассказываю что-нибудь смешное. Она смеётся, запрокинув голову, и вся нелепость ситуации проходит.

Потом я влюбился в Веронику. Боже, какой женственной она была!

Хрупкая, нежная, вся какая-то прозрачная, она походила на ангела. Натуральная блондинка, волосы всегда распущены. Глаза, полные грусти. Казалось, что она вот-вот расплачется. Хотелось её обнять и уберечь от всех бед и несправедливости жизни. Я дарил ей цветы, угощал мороженым, был её персональным клоуном.

«Чем больше усилий мужчины прилагают к завоеванию женщины, тем меньше его шансы понравиться ей». Таков был мой урок. Потому что через некоторое время Вероника стала встречаться с Казановой.

Тапио был моим соседом. Он был старше меня и часто заходил ко мне без стука. Он знал, что моя дверь почти всегда была открыта. Руки его постоянно были заняты пивом и чипсами, поэтому он закрывал свою дверь пинком. Я всегда знал – если грохот стоит такой, будто кухонные шкафы со всем содержимым попадали на пол, значит, через минуту в мою квартиру зайдёт Тапио. Мы будем смотреть фильм, пить пиво и есть чипсы. С ним я чувствовал себя старше. Он рассказывал мне о своих похождениях, и я жил его жизнью. До тех пор, пока он не понравился Веронике.

Мы поменялись с ней местами. Теперь она дарила шоколад, караулила его возле дома, постоянно звонила ему и приглашала в кино. Мне было больно смотреть на неё. Вероника потускнела, её глаза превратились в два потухших уголька. Она могла долго смотреть в одну точку и думать о Тапио. Я сидел рядом и ждал. И не мог поверить, что передо мной – та, которую я боготворил. Та неприступная королевская особа, на которую я потратил столько сил (и денег, кстати, тоже).

Однажды мы сидели с Тапио в моей квартире. По телевизору показывали «Властелина колец». Мы видели этот фильм уже раз десять, поэтому лениво потягивали пиво и переговаривались.

– Давай переключим канал. Кейт Бланшетт здесь напоминает одну девушку, которая мне уже осточертела, – Тапио поморщился и выкинул пустую банку из-под пива в корзину для мусора. Не попал.

– Что за девушка? – я старался произнести это непринуждённо, хотя и сам уже понял, о ком шла речь. Вероника была будто списана с Галадриэль.

– Да есть тут одна. Ходит за мной по пятам, как будто ей мёдом намазано. Сначала она мне нравилась, но теперь... Надоела.

– Так скажи ей! Скажи ей, что... Скажи, что у тебя есть девушка. Или что она тебе не нравится. Или... – я не мог найти причину, которая была бы менее чувствительной для неё. Меньше всего я хотел причинить боль Веронике.

– Неееее... Ника красавица. К тому же, она очень милая, с ней приятно разговаривать. Но есть одно но, – Тапио поднял указательный палец, требуя внимания, – она холодна, как рыба. Понимаешь, с ней мне надо постоянно придумывать тему для разговора. Если я хочу обсудить последние политические новости, культуру, финансы, Ника всегда кстати. Но иногда мне хочется поговорить ни о чём. Пошутить. Или просто помолчать. Пить пиво, жрать чипсы, жрать ни о чём и наслаждаться жизнью. Понимаешь?

Я не понимал. Мне казалось, Тапио просто не понимает, от чего отказывается. Что он просто самонадеянный болван, избалованный женским вниманием. Так всегда с этими Казановами. Везде найдут изъяны. Эта девушка слишком высокомерна, та уродлива, третья любит дурацкие романы, другая проявляет слишком много внимания к своей персоне, что означает недостаточное внимание мне любимому... Снова и снова одна и та же история.

«Дело не в девушке! Дело в тебе! Прекрати использовать женский пол как подтверждение своей собственной значимости». Эти слова хотелось мне прокричать Тапио и всем тем, кого судьба наградила красивым лицом или природной харизмой. Да с таким излишком, что им и не надо ничего делать. Все женщины мира, вне зависимости от возраста и национальности, готовы прыгнуть к ним в постель. Неважно, какую литературу читают эти женщины, какой спортивный зал посещают и в какую школу отвозят детей, всех их связывает одно – каждая готова сделать поблажку таким, как Тапио. Открыть дверь туда, куда другим нельзя. Доверить секретную информацию. Они позволяют всё за одну его улыбку. Меня просто зло берёт от таких мыслей. Но, конечно, я держу их при себе.

Тапио уже вовсю разошёлся. Он жестикулировал и чуть ли не кричал, пытаясь заглушить звуки борьбы в телевизоре. Хоббиты и орки дрались не на жизнь, а на смерть.

– Лаури, мне совершенно не важно, как выглядит девушка и во что она одета. Единственное, чего я хочу – чтобы она молча смотрела со мной телевизор, когда идёт футбол. Или пусть болеет, но только за ту команду, за которую болею я! Хочу пить с ней пиво, пускать отрыжку, не стесняясь. Хочу, чтоб она не жеманилась и ничего от меня не требовала. Чтобы приносила пиво мне и моим друзьям, покупала мне билеты на футбол, нравилась моей маме. Тогда, будь она хоть трижды уродиной, я на ней женюсь.

Тапио – чистый финн. Но его отношения с футболом превращают его в итальянца. Ему неважно, какую религию будет проповедовать его жена, будет ли она вегетарианкой, умеет ли готовить. Но болеть она должна только за НЖК или МаНу.

Я ухмыльнулся. Если бы он сказал всё это Веронике, она бы каждый день приносила ему пиво вместо шоколада и покорно сидела у его ног, пока он смотрит футбол. Тихая, как собака. Я даже представил себе эту картину.

Тина была самой младшей из всех моих бывших. Всего на полгода старше меня, с идеальной фигурой и идеальным характером. Я мог часами лежать и просто смотреть на её тело.

Весёлая, добрая, всегда готовая помочь всем, она наполняла комнату солнцем. Рядом с ней у меня всегда появлялось ощущение праздника. Мы жили вместе два года перед тем, как она ушла от меня. Через три месяца после нашего расставания Тина вышла замуж и сейчас счастливо живёт с мужем и двумя детьми. Иногда, когда я пьян, у меня хватает смелости признаться себе, что я мечтал бы оказаться на месте мужа Тины. Но я не мог сделать ей предложение. Когда тебе двадцать, кажется, что вся жизнь впереди. Если честно, даже сейчас я бы не осмелился заточить себя в брачные узы.

Лайна пыталась помочь мне забыть Тину, но у неё не получилось. Потребовались Нора, Мария, Стелла и африканка Сахва, чтобы по ночам мне перестали сниться зелёные глаза Тины, её полуулыбка и привычка постоянно повторять: «Чёрт!»

Но если вы думаете, что я любил Тину, вы ошибаетесь. Если бы я действительно любил её, то незамедлительно женился бы. Хотя бы начал планировать свадьбу вместе с ней, начиная с того, какое платье пошло бы её точёной фигуре, и заканчивая списком гостей. Или видел ту самую идиллическую картину – я, Тина, дети... Или я, Тина, дети и внуки. Летний домик возле озера. Мы сидим, держась за руки, и улыбаемся друг другу. Но я не видел этого. Более того, я был уверен, что когда-нибудь мы расстанемся. Я очень долго жалел об этом. Но только после расставания. После того, как я веселился на свадьбе Тины. И после того, как она и Томми приехали из свадебного путешествия в Риме. Когда я смотрел на неё, смеющуюся, МОЮ Тину, обнимающую какого-то парня, я впервые подумал о том, что должен быть на месте этого парня. Но было уже поздно.

Глава 7

Для меня любовь всегда казалась чем-то воздушным, нереальным. Любовь должна строиться на противоположностях, приносить спокойствие и бурные эмоции одновременно. Любящие люди должны давать друг другу дышать, а не ходить друг за другом как хвост. Они не должны всегда понимать друг друга, но должны хотеть уметь делать это. Я прав или я прав? Люди, которые любят друг друга, могут иметь проблемы, спорить о том, кто сегодня выбрасывает мусор, а кто забирает детей из школы.

Как и счастье, любовь любит тишину. Любовь может быть тихой и выражаться не в словах, а в делах. Мои дед и бабушка каждый день гуляли по парку, дед собирал ей цветы с клумб, делал массаж ног. Если он ходил в гости один, то всегда просил хозяйку завернуть самые вкусные куски с собой. Они прожили долгую жизнь, а умер он через пять дней после бабушки, как сказали доктора, от потери любви. Если это не доказательство любви, то что такое любовь?

Не люблю говорить о любви. Действительно, чего о ней говорить? О ней и так сказано много. Лучше замолчать и просто любить.

Я вспоминаю отца, Микко. Высокий, крепкий, с яркими глазами и хорошими манерами, он всегда привлекал женщин. У него были серые глубоко посаженные глаза, взгляд всегда смешливый, но внимательный. Он умел смотреть на женщину так, что она чувствовала себя особенной, самой красивой, самой желанной, самой любимой.

К сожалению, он смотрел так на большинство женщин. Когда мама нервничала из-за его постоянных отлучек, отец просто подходил к ней сзади, обхватывал за плечи сильными руками, прижимался подбородком к плечу и целовал её волосы. Он говорил: «Успокойся, золотце, всё будет хорошо». В такие моменты даже его голос становился ниже, чувственнее. И «золотце» прощала. Всегда прощала. И надеялась, что всё действительно будет лучше. Но уже на следующий день у него появлялись причины задержаться: конференции, собрания, подготовка отчёта в офисе. И всё повторялось опять. Мама становилась более нервной, срывалась и быстро старела.

Я любил отца. Любил и ненавидел. Нет, я восхищался им! Например, он мог достать билеты на футбол за полцены, просто улыбнувшись кассирше. Будучи ребёнком, я купался в любви, потому что везде отца окружали женщины. Значит, окружали и меня. Мне покупали мороженое, целовали, теребили, поправляли рубашку, гладили по голове и постоянно говорили о том, какой я замечательный мальчик. Мама много работала, редко была дома, поэтому та ласка, которой делились со мной эти женщины, была как нельзя кстати. Благодаря ей я не чувствовал себя ненужным и обделённым. Подозреваю, что то же самое чувствовал и отец. По крайней мере, я надеялся, что именно это и есть причина, по которой отец не мог быть один. Повзрослев, я понял, как был неправ. Отцу нужно было поклонение, а не ласка. Он был артистом, для которого важно, чтобы толпа поклонниц постоянно подчёркивала его превосходство.

Отец научил меня ловить рыбу, плавать, колоть дрова, играть в футбол. Но самый важный совет, который он дал мне в жизни: «Удивляй женщину, и тогда она никогда не скажет тебе “нет” и не расторгнет отношения хотя бы из любопытства».

Внешне я очень похож на отца – такой же высокий и статный. Родинка над губой, правильные черты лица, падающая на глаза удлинённая челка, которую я постоянно откидываю назад. У меня его глаза и руки, его улыбка и манера говорить. Но взгляд материнский – такой же сосредоточенный, немного усталый и тяжёлый. Только когда я влюблён или думаю, что влюблён, мои глаза темнеют, затуманиваются и наполняются нежностью. По крайней мере, так говорила Тина. Я ей верю.

Глава 8

Я ходил по городу, погруженный в размышления. Резкий звонок телефона прервал поток мыслей.

– Привет... Нет, пожалуйста, не говори ничего, – голос Анники прерывался и был взволнованным.

– Сейчас не лучшее время для разговоров, Анни...

– Нет, молчи! Я думала над тем, что ты сказал. И ты прав. Ты как будто читал мои мысли, которые я старалась скрыть от самой себя. Ты представить себе не можешь, как часто по ночам эти мысли посещают меня, как бы упорно я ни старалась прогнать их от себя. Я хочу попробовать построить отношения с тобой.

– Почему со мной? – я не мог переварить услышанное.

– Потому что ты понимаешь меня, мои чувства и... постоянно удивляешь меня.

Кхм... видимо что-то от отца я всё-таки перенял.

– Ты хотел шанс? Ты получил его. Мы проведём оставшееся время в Хельсинки вместе, ты будешь прилетать ко мне в Лос-Анджелес. После того, как ты закончишь институт, мы будем жить в Америке, – она, захлебываясь, пересказывала мне все прелести нашей совместной жизни. Наверное, я сошёл с ума, потому что в целом и в частности картина мне нравилась. Мне двадцать пять, я взрослый самостоятельный мужчина. Так почему бы и нет?

Скорее всего, мысли о Тине, Кристине, Веронике, Лайне и многих других, чьих имён я не помню, но лица которых до сих пор всплывают в памяти, заставили меня захлебнуться в собственной никчёмности и жалости к себе. А иначе чем объяснить это помешательство?

– Лаури, ты там? Ответь же мне! Лаури! – Анника кричала в трубку.

Я не мог ответить. Я сжимал трубку в руке и кружился с ней в ритме вальса. Люди смотрели на меня и улыбались. Наверное, они завидовали тому, какой я молодой, счастливый и сумасшедший.

Глава 9

Всё время перед отъездом мы провели вместе. Квартира Анники была в нашем распоряжении, я даже успел перевезти туда самые необходимые вещи и создал собственный уголок.

Небольшой столик возле окна был завален моими любимыми книгами и газетами, на кипе журналов для мужчин расположились несколько флаконов с туалетной водой, ручки, простой карандаш и листы А4. Я люблю рисовать. Лица, портреты, природу, очертания тел. Но только простым карандашом. Не потому, что для меня «жизнь – это пианино, клавиша чёрная, клавиша белая». Я стараюсь относиться к жизни, как к радуге. Но в рисунке мелкие штрихи, точность и детали для меня намного важнее цвета. Цвет отвлекает и прикрывает ошибки.

Привычка делать зарисовки появилась у меня в школе. У каждого ученика был свой способ борьбы со сном во время урока. Кто-то менялся записками, кто-то сладко спал. Я же сидел за первой партой, окружённый отличниками и занудами. Однажды я смотрел на учителя и пытался представить его в смешной одежде. Или с нелепым выражением лица. В шляпе ведьмы или костюме клоуна. Зрелище было таким забавным, что я достал тетрадь и попробовал нарисовать то, что видел. К моему удивлению получилось довольно неплохо, и практически на каждом уроке я оттачивал своё мастерство. Смотрел в окно и делал зарисовки того, что видел. Эту привычку я пронёс через всю студенческую жизнь. Время от времени творчество накрывало меня, и я садился рисовать. И теперь Анника находила рисунки то в туалете, то в зале, то под кроватью. Она молча складывала их в стопку на столе.

Вся следующая неделя пролетела как один день. Мы ходили в кино, целуясь на задних рядах, как подростки. Бегали под дождём, начинали день с кофе и булочек в уютных кофейнях, плавали на теплоходе, посещали выставки и музеи, сделали кучу фотографий. Всё это время я оглядывался по сторонам в поисках знакомых, носил большие солнечные очки и шляпы и старался разговаривать тише. В ресторанах занимали столики в углу, потрясающе романтичные и... тёмные.

Хельсинки – мой родной город. Город, в котором я родился и вырос. У меня куча друзей и знакомых, и я не хотел, чтобы слухи обо мне и Аннике добрались до мамы. Конечно, я должен был признаться ей, что собираюсь провести все лето с женщиной, которую знаю всего несколько недель. Но я должен сделать это сам, с глазу на глаз.

Я люблю свою маму. В молодости она была очень красивой и грациозной. У неё даже имя нежное – Айна, что означает «постоянная». Но мне её жалко. Когда я рос, маме приходилось разбираться во всём самой. На её плечи легли заботы о доме и маленький ребёнок. А ещё внук, которого молодые родители то и дело оставляли «на выходные», а забирала через неделю. Прибавьте к этому стресс после развода и разбирательств, одиночество и злые языки, которые смаковали мельчайшие подробности семейной жизни моих родителей.

Психологи и семейные терапевты советуют: «Заводите детей – они помогают сплотить семью». Дамские журналы пестрят советами о том, как забеременеть втайне от партнёра. Да так, чтобы он узнал об этом последним. По-моему, чушь полная. Это некоего рода обман. Я принял бы своего ребёнка и его мать, если бы это случилось нечаянно. Или не сработали таблетки. Ведь там всегда написано: «Гарантия 99 %», а я достаточно «удачлив», чтобы попасть в этот один оставшийся процент. Либо если страсть была такой сильной, что все мысли о предохранении отошли на второй план. Но если бы я узнал, что моя партнёрша спланировала всё с самого начала или перестала употреблять препарат, «забыв» сказать мне, я бы не простил. Это чистой воды предательство. И ставки здесь слишком высоки, чтобы ответить «ничего страшного» на «извини». Это не сумочка, оплаченная твоей картой, которая стоит на два нуля в конце больше, чем она сказала. Это даже не котёнок, которого принесли в подарок человеку с аллергией. Это ребёнок. Это навсегда.

Я поздний ребёнок. Говорят, женщина должна родить после тридцати пяти для себя, чтобы снова почувствовать себя молодой. И мама решилась. Её не смутило, что когда у неё начал выпирать живот, моему брату исполнилось двадцать. Он женился на однокласснице, которая, к тому же, жила по соседству с нами с малых лет. Они играли в песочнице, позже она помогала ему делать уроки. Поступили в один университет. Вероятно, им было мало того, что они проводили вместе весь день, разделяя общих друзей, детские воспоминания, фотографии, учителей, дорогу в школу и институт. Им захотелось разделить ночи, оплату счетов и иллюзии.

Я родился на четыре месяца раньше своего племянника. Иногда, шутки ради, он зовёт меня «дядя» или «дядя Лаури», и я стараюсь при этом не рассмеяться.

Наши отношения с мамой всегда были в стадии Ожидания. Она ожидала от меня повиновения, я ожидал понимания. Мы жили как на минном поле. Мой осторожный шаг – её ответный ход.

Даже если моя встреча с Анникой была встречей с судьбой, мама бы этого не поняла. Поэтому я до последнего скрывал её. Трудно скрыть отношения от матери, живя с ней под одной крышей. Это я вам говорю как человек опытный. Отговорки типа «я был у Тимо» закончились. Постепенно круг друзей, у кого я мог бы ошиваться, замкнулся. И мне ничего не оставалось, как признаться ей.

Я приготовил удивительное итальянское блюдо, замечательный салат с разными видами зелени, грецкими орехами и грушей, заправленный оливковым маслом с чуточкой уксуса и соевого соуса. Добавьте к этому вино и тусклый свет. Правильно, атмосфера явно настраивала на откровенную беседу. Я подливал ей вино.

– Лаури, ты что-то от меня скрываешь?

– Нет, что ты, – беззаботно наматываю макароны на вилку.

– Вилли звонил вчера. Спрашивал, с каких пор ты ходишь в кино со своим менеджером.

– С менеджером?

– Да, он видел тебя с женщиной. Только он не знает, что твой шеф – мужчина. Так с кем ты был в кино?

– Какая разница? Подумаешь, кого я мог бы пригласить в кино. Тоже мне, большое дело.

– Ну да. В кино можно пойти со знакомой.

– Ага, – я надеялся, что буря утихла. Не тут-то было.

– Лаури, дорогой, сколько своих знакомых ты целуешь в кино? – мама старалась выглядеть невинно, но её выдавали глаза. Они у нее яркие и живые.

– Ладно, мам, – я сдался, – признаюсь. У меня появилась девушка.

– Девушка? – мама подняла бровь.

– Да, девушка. У меня есть девушка. Возможно, у нас серьёзные отношения.

– Дорогой мой, но почему ты не сказал мне? – мама накрыла мою руку своей.

– Всё дело в её возрасте. Понимаешь, она старше моих предыдущих девушек.

Она старше моих предыдущих девушек... К Аннике больше подходит слово «женщина», но я не стал заострять на этом внимание.

Мама сморщила лоб. Встала. Взяла со стола кухонное полотенце. Села. Повертела полотенце в руках. Снова встала, чтобы положить его обратно.

– Сколько? – единственное, что она сказала. Её голос дребезжал.

Не в силах произнести эту цифру вслух, я взял салфетку, с маниакальной старательностью вывел «37» и медленно протянул салфетку через весь стол маме. Хотя моя рука при этом не дрожала, я ощущал себя страусом, прячущим голову в песок. На выдохе мама открыла глаза и взглянула на салфетку. Она вглядывалась в цифру то прищурившись, то твёрдо, взглядом буравя салфетку, как будто от её взгляда написанное могло измениться. Но ничего не менялось: «37» так и оставалась «37». И время не остановилось – в тишине я отчётливо слышал стук

часов. Это было единственным звуком в течение долгих долгих секунд. Раз, два, три, четыре, пять... Не выдержав, я шумно выдохнул. Посмотрел на маму. Невероятно, но она улыбалась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.